

Пётр Леонтьев

*Два Ангела непримиримых –
Любовь и Ненависть,
Единых два крыла.
Их вечная борьба –
Твоя судьба*

ВОЛЬНОДУМ

Пётр Петрович Леонтьев

Вольнодум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38837817

ISBN 9785449360694

Аннотация

Книга «Вольнодум» объединяет две поэмы («Родина Счастья» и «Вольнодум») и цикл рассказов «Капли». Речь идёт о людях, озабоченных судьбой России, пытающихся разобраться в событиях страны и принять посильное участие в устройстве её судьбы. Надо понимать: как бы мы ни старались наполнить мир честностью и добром, зло неизбежно, и нужно быть всегда начеку, готовыми его отразить.

Содержание

Вольнодум	5
I	5
II	11
III	16
IV	19
V	24
VI	29
Вольнодум.	30
I	30
Сон первый	39
Песенка мамы	45
Второй сон	48
Капли	60
Куст сирени	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вольнодум

Пётр Петрович Леонтьев

Дизайнер обложки Пётр Леонтьев

© Пётр Петрович Леонтьев, 2018

© Пётр Леонтьев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6069-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вольнодум

*Мне всё подвластно. Стоит дунуть —
И камень обращаю в тебя.
Тебе ж мозгами надо думать,
Как ВЕЧНОСТЬ разгадать – МЕНЯ.*

*Но ты гадай – не разгадаешь,
Лишь жернова мозгов сломаешь.*

VIII. 2016

Гатчина

I

Вдали от молодости шума,
Поднявшись на последний пик,
Я жизнь свою сквозь тучи-думы
Кристаллом трезвости проник.
Мне не страшны ни близость Рая,
Ни Ад под кратером в горе,
Не тянет чувств игра чужая:
Я чужд и сцене и игре.
Однажды местный парикмахер
Подбрить мне брови предлагал,
Но мною необидно «к дяде»
Был послан добрый аксакал:

Иди и брей скелет-оскал!
Затрать хоть тонну яркой краски —
Не оживить смертельной маски!
Всё ж режиссёрскую натуру
Я в чутком друге оценил:
Он обновить меня не с дуру —
По роли честно предложил.
Ведь жизнь – сообщество неволь,
У каждого неволя-роль.
И будь ты беден иль богат,
На роли ты своей женат.
И ей перечить ты не смеешь,
И с ней тихонечко стареешь.
Ты можешь всюду разъезжать,
Ты можешь жён своих менять,
Ты можешь повенчаться с властью,
Ты можешь упиваться страстью,
Ты можешь быть хоть сам король, —
Но ты неволя из неволь.
И для себя ты сам строитель,
И сам себе ты разрушитель.
Ты можешь злиться и кричать,
Но на тебе клеймо-печать,
Тебе дана лишь жизни доля:
Исполнить заданную волю.
Есть где-то там не друг, не враг,
И не учёный, и не маг,
Не темь, не свет, не утешитель,
А мира в мире устроитель.

И всюду примиряет Он
Соппротивление сторон.
Он – бездна мудрости без дна,
Он – сплошь гармония одна.
А ты – лишь то, что есть иль нет,
Ты и не сумрак и не свет.
Тебе дана лишь жизни доля:
Исполнить заданную волю.
И ты за славой не гонись:
Неотвратима тяга вниз,
А чуть о камень ты споткнёшься —
Слезой презренья обольёшься.
Ведь ты неволя из неволь,
Не превышай по жизни роль.
У каждого есть роль одна.
Но ты не Солнце, не Луна,
Ты лишь пришёл со стороны.
Здесь мы нужны и не нужны.

С вершины пика наблюдал
Я звёзд космический развал,
Искал своё в развале место.
Я приценился, как невеста:
Какой бы маленький удел
Я выбрать в космосе хотел?
Звездами рассмеялась Высь:
Ты ж ничего, ты просто мысль,
Мысль в платье чувств, и нет удела
Ей лучше собственного тела.

И это есть твоя душа.
Следи за тем, чтоб хороша
Была в одежде чувств невеста.
Вам тело – дом, вот ваше место.
И пусть порою и не ярок
Бывает дом – он вам подарок,
Он вам один, незаменим.
Но скоро час расстаться с ним,
И вот ты превратишься вновь
Совсем в ничто, и лишь любовь,
Своих ошибок осознание
От вечных странствий в мирозданье
Спасут тебя. И вновь для дела
Получишь новое ты тело,
И вновь невольная душа
Забьётся, волею дыша.
Свою ты вновь получишь долю,
Задышишь вольною неволей.
Твой новый дом не будет пуст,
Как платья, в нём наборы чувств:
Любовь и вера, упоение,
Коварство, злоба и презрение,
В крови желанья и тоска,
Стремление знать издалека,
Как, что, зачем и почему?
Душе вопросы и уму.
Ты призван мир собой наполнить
И волю вольную исполнить.
Но ты ничто, частица мира —

Не сотвори себе кумира.

Ведь жизнь твоя – один момент,
Ты просто чей-то инструмент.
Но есть в тебе достоинств тьма:
Ты – часть вселенского ума,
Ты – часть вселенского искусства,
Не зря тебя вулканят чувства.
В ничто твоём творят гиганты,
Бушуют разные таланты,
Ты призван новый мир создать,
И оценить, и осознать,
Но ты ничто. Ты – жизни доля.
Исполни Божескую Волю!

Мал электрон. Он лишь в сознание,
Но движет целым мирозданием.
Тебе ж дано об этом знать
И электроном управлять.
Ведь тем зарядик и силён,
Что он всего лишь электрон,
И есть ему одно лишь место:
Он встроен в мир, чтоб мир не треснул...

И жизнь твоя – пора-пора,
Чтоб не рассыпалась игра.
Ты должен это понимать.
Забудь хоть что-то изменять.
Так будь волеизъявлением,

Исполни Божье назначенье.
Твой час пришёл – твой час уйдёт.
Пору с порою тризна ждёт...

II

Так я не радостно, не грустно
О жизни просто размышлял,
Я без предвзятости, без чувства
Воспоминанья расставлял,
Как бы события в кино:
Что было нынче, что давно.
О дальнем вспомнив, о недавнем,
Хотел быть равнодушным камнем:
Что, дескать, было, то ушло,
Былою былью поросло,
А вспомнит кто, то вырвем глаз
(Набор лукавых – тыл для нас).
И (что лукавить?) я упрямо
Не смел смотреть на вещи прямо,
Хотел не видеть, удалял
И философьей разбавлял
Свои бывалые вины:
Тут – как смотреть со стороны.
И чувствовал я это, знал,
Что эталон свой потерял,
Свой измерительный прибор,
Законов совести набор,
И равнодушья камень мой
Мне стал могильною плитой.
Права космическая высь:

Бездушная бесплодна мысль.
Душа – жена, а муж ей – ум,
И без души наш ум угрюм.
Ведь без души и мысли колки,
Как иглы мёртвые у ёлки, —
Засохнув, падают, кружась,
Скелетом мудрости гордясь.
Душа всегда чего-то просит —
Ум без души лишь строит козни.
Ум без души, что поле пусто,
Сплошь зарастает «заратустрой».
Жесток колючек гордый вид,
Железом душу холодит....
Коль есть душа... Но я забыл,
По ком страдал, кого любил.
В бурьян беспамятства зарылся
И без молитвы возгордился...

Когда-то пересёк мой век
Железный, гордый Человек.
Пронзил мой детский ум, как с бою,
Железной ломаной строкою,
Поверья бабушки отрил,
На громы лозунгов сменил,
В мой детский золотой рассвет
Привнёс он марсо-красный цвет.
Меня он будто пробудил,
Меня он будто и убил.
Он растревожил весь эфир,

Он призывал освоить мир,
Не просто целый мир освоить,
Но и разрушить и построить.
Мы заразились магнетизмом
Идей-побед социализма.
Гремели песнями приветы,
Несли усатые портреты.
И величава и горда
Кремлёво-красная звезда.
Молочной сказкою река
О коммунизме на века.
Я толком ничего не знал,
С улыбкой тихо засыпал...

Земля – душа. Природа – мать.
Зачем же всё кругом менять?
Умом природу не стреножить.
Что ж делать? Взять, да уничтожить?

Философ мудр, и он предрек:
Всё может Новый Человек.
Ведь Человек звучит так гордо!
Забудьте все про Небеса!
Кто не согласен, можем в морду!
Не смей молитвой раскисать!
Всё нам по силам! Всё мы можем!
Наукой Бога переждем.
Вам нужно больше молока?
Задача вроде нелегка.

Есть у науки способ новый:
Заменим вымя у коровы,
Прибавить можно, так сказать,
Ну, скажем, литров двадцать пять.
А коль поболе надоить,
Могём корову изменить.
Задача тут невелика:
Надуть насосом ей бока.
Ударим мёдом по детишкам!
Отыдем у пчелы излишки!
Всё без излишних без затей:
Подсыпем сахару мы ей.
Мы вместе, мы ведём дорогу,
Мы в коммунизм шагаем в ногу.
Дорога в рай хоть не легка,
Нас ждёт река из молока
И, как по сказке, знаем сами,
С кисельными со берегами.
Нам по пути придётся, братцы,
С капитакулами сражаться.
Мы жаждем битвы, мы так жарки,
Как наши матери кухарки!
А коли нам нужна мораль,
Так ей в Евангелье вдосталь.
Мы всё оттуда перепишем
Всё в ум себе и для детишек,
Распишем Сталинский Закон,
Всё по местам расставит он.
Не надо будет умирать,

Чтоб в рай на небо попадать.
Ваш Бог – все видите вы сами —
В портретах с чёрными усами.
Пусть Страшный Суд вам и не снится,
Не надо каяться-молиться.
Без покаянья, без суда,
Нам смерть – дорога в никуда...

Да, было так. Прошёл уж век.
Где тот усатый человек,
Кому мы дружно помогли
Искать изъяны у Земли?
Где в рай ведущая дорога,
Что мы вели, чураясь Бога?
Дорога в рай, идейный зонт,
Недостижимый горизонт?
Всё заросло... Бурьян, бурьян...
Трава-обман... Трава-дурман...
И лишь отдельные колоски,
Былой надежды отголоски...

III

Уж скоро ночь. Я всё сидел.
Я в кратер с ужасом смотрел.
С утра я видел мир прекрасным,
А к ночи грозным и ужасным.
И чувствую: пошла слеза —
Я поскорей закрыл глаза.
Скорей, скорей забыться сном...
Я снова думал о былом.
Сквозь думы вдруг пробилось тускло:
Неужто мне вернулись чувства?
В конце, у самого порога
Неужто призываю Бога?
Хочу проступки все признать?
Раскаяться и рассказать?
О том, как шёл не той дорогой,
Как строил Рай земной и Бога,
Как строил новую мораль,
Как превратил страну в сераль,
Обрёл отчизну на страданья,
Сверхчеловеку на закланье?
В мозгу горячем билось, билось:
Ну почему ж всё так случилось
С моим народом и со мной?
Неужто к нам пришёл Хромой,
Проник нас дымом и туманом,

Философическим обманом?
Как Бога мы могли предать?
«Сверхчеловека» признавать?..

Вновь из кармана я достал
Свой проникающий кристалл.
Сквозь сполох чувств, к своей обиде,
Я всё по-новому увидел.
Увидел, что неверно жил,
Что Богу не тому служил.
К тому ж увидел, что лукавил,
Не верил в то, что громко славил,
В душе партидола кляня —
Плохой был «винтик» из меня.
Потом я думал о народе,
И о земле, и о природе,
О том, что сказочник-народ
В душе по-своему живёт,
Другою волею он жил,
Пока он идолу служил.
Народ наш вовсе не дурак,
Он лишь хотел, чтоб «лучше как».
Я вспомнил мать, жену-подругу,
Детей. Я вспоминал по кругу
Друзей, знакомые места.
Внезапно мне пришла мечта
Увидеть всех своих родных,
Хоть и умерших, но живых.
Я потихоньку засыпал...

И свой я выронил кристалл...

IV

Создатель Мира, мудрый Гений,
Вулкана трубку закурил
И цепь времён и поколений
По Миру кольцами пустил.
Адам и Ева у порога
Покоев своего отца
Следили с робкою тревогой
Движенье каждого кольца.
Вокруг престола с замираньем
В поклоне ангелы сошлись.
Владыка сделал знак вниманья,
Все на колени пали ниц.
И громом прогремел обвал
Тех грозных слов, что Он сказал:

– Адам, я был горд тем, что я человека создал.
Свой дух я в тебя воплотил и свой образ придал.
В тебя я вложил и язык и мышление,
Беседовать чтобы приятно с тобой,
Отдыхая под сенью.
Эдемский мой сад для тебя я с любовью взрастил,
И птиц и зверей в нём на радость тебе поместил.
Я ангелов верных назначил тебе в услуженье,
И друга я женщину создал тебе
Во вспоможенье.

Мой Дух, и мышление, и образ, и Вечная Жизнь —
Чем ты от меня отличался в Эдеме, скажи?

Но яблоком ты соблазнился от Древа Познания,
Отверг ты и просьбы мои и мои заклинанья,

Тебе недостаточно стало

Быть моим сыном —

Вселенной ты всей захотел

Стать властелином

Ты предал меня, а предателю места нет в этих стенах.

Из праха ты создан и вновь обратишься ты в прах.

Жену забирай, из Эдема беги без оглядки,

И Змей пусть повсюду ползёт за тобой и кусает вам
пятки.

Цепь дымных колец станет цепью твоих поколений,

Пусть Ева и жёны детей твоих будут при родах стонать
от мучений.

И будете пищу себе добывать каждый день, без конца,

В поте лица.

На Землю сойдёте вы вместе, и там, за порогом,

Я знаю, скорей постарайся ты объявить себя Богом.

Что ж, пусть будет так, хоть твои притязанья и хлипки.

Одно лишь тревожно: не сделать бы новой ошибки.

И душу и ум я вложил в твоё тело,

Чтоб делать нам вместе одно благодатное дело.

Но если гордыня твоя вдруг до неба взметнётся,

Твой прах снова в землю верну, а моё всё ко мне
и вернётся.

Тебя я создал, чтобы ты осознал всё величие мира,

Чтоб вместе трудился со мной, но не строил себе ты

кумира.

Иди же, мой сын, и запомни мои наставленья,
Я всюду с тобою, молись – да услышу моленья.

Умолкли речи громовые,
Туман покрыл Эдемский сад,
Адам и Ева, чуть живые,
Сошли на Землю, будто в ад.
Но солнце на небе горит,
Поля и горы веселит.
Цветы и зелень там и тут,
И птички песенки поют.
Вскричала Ева: «Как прекрасно!»
И взор Адама стал вдруг ясным.
В душе он волю ощутил,
И Бога он благодарил.
Ответом радуга-дуга,
Так весела, так дорога!
И голос:
– Слышу, сын, моленье,
Прими моё благословенье.

И Духа Божьего неволя
Вдруг стала собственной волей...

Как Ветхий говорит Завет,
Адам жил девять сотен лет,
Трёх сыновей на свет родил.
Он жил в любви и счастлив был.

* * *

Я знал эту сказку от самого детства,
Картинки смотрел и не мог насмотреться.
Я с раннего детства читал и писал
И библию бабушкам тайно читал.
Но шёпот молитвы во тьме вороватый,
Вид бабушек, будто всегда виноватый,
Меня раздражал. Мне не нравилась смерть:
Чтоб в рай тот попасть, нужно ведь умереть.

Война загремела. Взрели плакаты.
И как же мне близок портрет был усатый!
Я танки и пушки одни рисовал.
Я рай для живых на земле защищал,
Душою ребёнка старался, как мог.
И Сталин мне был полководец и Бог.
Так думали взрослые, думали дети.
Расплывчатость мысли снаряд нам конкретил.
Нам жить иль не жить? —
Вопрос стал ребром.
Что нам дороже::
Могила иль дом?
Снаряды и бомбы летали со свистом.
И в бой шли безбожники и коммунисты.
Для библий не время. Пока обойдёмся.
Сначала победа – потом разберёмся...

Победы нам той не забыть и вовеки.
Ценой нашей крови погибли
«Сверхчеловеки»..
Срубили в капусту
Сынов Заратустры.

Но философскою отравлен ревностью,
Мир злобно разрывался ненавистью.
Считали счётами соседскую вину,
Мозги направлены на новую войну.
И новый начинал свой век
СВЕРХЧЕЛОВЕК.

V

Я спал и бредил. Предо мною
Тянулись мысли чередою,
Седая масса, без просвета.
Где солнца луч? Мне нет привета.
Я спал, но чувствовал и знал:
Вот мой порог. За ним – провал.
А дальше – СУД...

Но вот меня несут.
Куда? Зачем? Лечу несмело,
Летит душа, покинув тело.
Внизу всё те же облака,
Но солнце нежит их бока.
Парю легко, как будто птица.
Но где же Божия Светлица?
Да вот она. Небес эфир.
Светлица Бога – целый Мир.
А где ж Он сам? Но Бог сам – Вечность,
Он бесконечная конечность,
То нет Его, то явит вдруг
Свой уплотнённый Божий Дух.
И души, души, всюду души,
От их стенаний рвутся уши.
От слёз и стонов всё сжималось,
Душа моя – сплошная жалость.

Душой я слышал и смотрел,
Хоть тела больше не имел...

Но вот всё замерло вокруг:
Спустился с неба Божий Дух,
Переливался образ некий,
Напоминая человека.

Вокруг недвижно, как литые,
Собрались ангелы, святые,
И сыновья: Адам, Иисус.

Средь них, не разжимая уст,
Мария, мать Христа, стояла,
Лучи надежды излучала,
Христова Духа благодать.

Я в ней искал сестру и мать
И в пору всю, как шёл экзамен,
Я возвращался к ней глазами.
(Хотя – уж не секрет большой —
Не телом видел, а душой).

В сторонке, наклонясь понуро,
Стояла чёрная фигура:
В плаще запахнутом, как грек,
Какой-то странный человек.
Я, глянув, будто бы проснулся,
Я всей душою содрогнулся.
Я будто бы нашёл искомое,
Давно забытое знакомое,
Остановился оглядеться.

Как будто защищало сердце
Виной знакомою, забытою,
Навеки, кажется, зарытою...
Услышав совести укол,
Глаза на Деву перевёл.

Но дрогнула святых толпа:
Мне голос светлого Столпа:
– Скажи мне, чадо, как ты жил?
Как Богу своему служил?
Как ты хранил в душе мой Дух?
Да не дели вино на двух,
Не вздумай предо мной лукавить,
Других винить или ославить.
За все вины ответишь сам.
И знай, не верю я слезам.

Но я молчал. Как мне сказать,
Что предал я отца и мать,
Что предал всю свою семью,
Что предал Родину свою,
Что от причастья в церкви бегал,
Что верил я сверхчеловеку,
Что Дух и Веру я забыл,
На философию сменил,
Что в рай земной я вёл дорогу,
Что положил людей я много
За тот прекрасный идеал,
Хоть ничего стране не дал.

Всё потому, что возгордился,
Что Духом Божиим поступился.

Но я молчал. Не мог сказать.
Я мог лишь думать и страдать.
Владыка вроде усмехнулся,
И низко надо мной нагнулся.
– Я всё слышал. Где Иосиф?
Мы его сейчас допросим.
Скажи, Иосиф, это ты
Посеял вредные мечты?
Ты в мою рядился тогу,
Строил райскую дорогу?
Ты мозги всем закрутил,
Божий Дух мой замутил,
Философией своей
Столько положил людей?
Дрогнул черный силуэт,
И услышал я ответ:
– Да, Владыка, но ведь это
Ты мне дал свои советы,
Как людей мне проверять,
Веру Божью очищать.
Искушений много в свете.
Каждый за себя в ответе.
Были те, кто не поддались,
Вере верные остались.
Видишь, молятся любя
За родных и за себя.

Я-то что? Я твой холоп.
Помнишь, сделал ты потоп?
– Ладно, не тебе судить.
Смог ты многих погубить.
Если б не твоя победа,
Ты б прощенья не отведал.
Ведь тебе решил мой суд
Кочегаром быть в аду.
Вынем Дух его души.
Посмотрю, а там решим.

Снова Бог ко мне нагнулся,
Глянул в душу, усмехнулся.
– Тут не надо и гадать.
В ад его и очищать.
В пекло ты его засунь-ка,
Да включи-ка все форсунки,
Все грехи чтоб выжигать.
В этом Божья благодать!

И Усатый расстарался,
Сгрёб меня, и я расстался
С мыслью жалобить его:
Тут не вышло б ничего.
Он форсунки все включил,
Хохотал, что было сил...

VI

Любовь и Правда так высоки,
Что им не нужно философий.
Простыми чувствами живи,
Святее Правды нет, чем в них.
А Зло и Ложь опоры просят,
Плетут ходули философий.
Ты душу и глаза умой
Простою Божьей чистотой.

И если даже мы не знаем
Всей сказки о Добре и Зле,
Любовь и Правда оправдают
Нам пребыванье на Земле.

Вольнодум. Книга вторая. Три отца

I

Всю жизнь свою,
С пятнадцатилетнего юнца,
Я жду с работы своего отца...
Я жду,
Когда мои незрелые,
Упрямые мозги
Пронзят
Усталые, тяжёлые шаги,
Когда в душевной скважине вины моей,
Правдивостью скрипуч,
Вдруг провернётся
Неизбежный ключ,
И, *выверлом*
Заранее вина,
Отец мне душу вскроет
Истиной огня.
А я,

Безопытный,
Имея только лишь упрямый нрав,
Хочу кричать,
Что мой отец неправ.
Но что я мог сказать?
Что мог?
Передо мной сидел
Усталый Бог.
Мой Бог! Отец!
И я,
Виня себя, его винил
В том, что он прав,
И, зная все вины свои,
Его боготворил.
Но что я мог сказать?
Что мог?
Передо мной сидел
Больной, усталый Бог.
А я не знал,
Как мне с собой
Его соединить,
Как обожание моё
К нему мне объяснить?
В комок слипались
Заскорузлые слова
И тупилась невольно
Голова.
И только на вопрос его:
– Ну, как прошёл твой день? —

Я мямлил дребедень,
Что вот, мол, в школе
День прошёл,
В общем, хорошо.

– Ну-ну, а что ты там узнал?
Что нового ты для себя понял? —

Я на тропу привычную
Ступаю поневоле:

– Да вот, дела решали в комсомоле.
– Что за дела? —

И стыдно мне признаться,
Что это мною комсомол решил заняться,
Что дважды прогулял уроки я,
Что сдуру

Решили с другом мы
На льдине
Прокатиться по Амуру.

Когда меня спросили:
– Как ты мог? —

Мой друг ответил:

– Виноват
Весенний ветерок. —

Класс грохнул.

Только Нинушка,
Малюсенькая классная моя,
С любовью глядя на меня,

Сказала:

– Петя, ведь ты клялся.

Ну, как ты так опасно

На льдине прокатиться
Догадался?
Неужто вызывать мне
Твоего отца?
Ведь комсомолец ты. —
Я, от стыда не чувствуя лица,
«Причём тут комсомол? —
Грублю. — Причём отец?
Да, виноват я, да, подлец.
Но сам я по себе
Живу в своей судьбе.
Век подвигов прошёл...» —
– Нет, ты не прав.
Мне памятью сильна
Война.
Еврейка я. Войну в тумане,
Как в небытье,
Я провела в Биробиджане.
В провале ночи,
В безнадёжность глядя,
Шептала я:
– Как там, в Германии,
Моя сестра и дядя?
Давно погасла тьма,
Горит победы свет,
А дяди нет,
Да и сестрёнки нет.
Не надо
На судьбу свою грешить,

А нужно просто
Честно жить.
Пусть будут честь и труд
Судьбы твоей подстрочник,
И это станет
Подвигу источник.
И повторяю:
Чтобы подвиг совершить,
Немногое нам нужно:
Просто честно жить.

Да, Нинушка могла сказать,
Да так,
Что ни добавить, ни отнять.
И вот, теперь стою —
И глаз мне не поднять.
Я в классе так стоял,
И дома так стою.
И гложет стыд меня,
Не за проступок даже —
За подлое сыновье:
Кто я такой, чтоб тратил
Великий мой Отец
На мелочи мои
Своё здоровье?
Великий мой Отец,
Который жизнь отдал,
Чтоб выиграть войну,
Не спал и голодал,

Меня и всех спасая.
И вот теперь он, глядя на меня,
Через меня ж
Мельчал.

Он так любил меня,
Души не чаял,
И Он, огромный,
Через мелочность мою,
Мельчал и таял.

И я молчал.
Я не заметил,
Как он лёг.
Он нёс свою усталость,
Словно крест.
Усталостью его
Грозил мне Божий перст.
И я у ног —
Его —
Весь виноватый,
Сидел.
Ведь знал я,
Что проступок мой не прост,
Заложен в нём
Предательства крысиный хвост.

За скромным ужином,
Пока я с ним сидел,
В глаза ему смотреть не смел.
И почему-то мучил

Воспоминанием
Простой недавний случай.
К Восьмому марта класс мне поручил,
Чтоб я подарок Нинушке купил.
И думал я совсем немножко:
Купил ей тёплые трусы и поварёшку.
В газеты тот подарок закрутил
И ниткой замотал и закрепил.
Я бережно понёс пакет бумажный:
Отец мой подтвердил,
Что то, что я купил,
Для Нинушки подарок будет важный.
В конце урока наш комсорг
От класса поздравление кудрявое исторг,
И я без чувств почти что был,
Когда на столик перед Нинушкой
Газетный свёрток положил.
От смеха Нинушка
Едва не опрокинулась со стула,
Когда подарок развернула.
Смеялся класс.
А подо мною пол
Куда-то вниз пошёл.
Стоял я перед классом,
Чуть не плача.
Но Нинушка, вскочив, щекой горячей
Прижавшись к носу моему,
Вдруг стала обнимать,
Потом к мальчишкам подбегать и целовать.

И, перецеловав мальчишек массу,
С весёлым смехом выпрыгнула
Вон из класса.

Тот случай был простой, но в голове
Моей светил так ярко!
Наверно, Нинушку никто
Не радовал подарком.
И я узнал потом,
Что в эту самую войну
Погиб отец её
На фронте
И, говорят, в плену.
И тот, кто мне сказал,
Случайно заикнулся:
Мол, хорошо, что Нинушкин отец
Погиб, а не вернулся,
Иначе (это знал и я)
Была б у Нинушки
Предателя семья.
Когда же кончилась война,
Мать источилась горем,
Была совсем больна...
И Нинушка теперь одна.
О Нинушки судьбе
Тихонько все грустили,
И мы малютку нашу
Классом всем
Жалели и любили.

Не мог уснуть я.
Из окна
Мне пела струнами луна,
Лицом своим, как в ризе,
Напоминала Изю.
И в голове неясный звон...
И снился мне тревожный сон...

Сон первый

Беспечно пролетая, край горы
Крылом своим случайно тронут ветры —
Замрёт вокруг земля на километры
От звука скальной, царственной игры.

Так, Изя, золотой еврей-скрипач,
Смычком своим души моей коснулся,
Вошёл в меня тот звук и не вернулся,
Звучит во мне всю жизнь той скрипки плач.

Молитва детства, матери броня,
С божественной игрой соединилась,
И тьма с пути сошла и разъяснилась,
И правда та уберегла меня.

И с детства эта песня надо мной,
Как птица озабоченная, вьётся,
То памятью-крылом меня коснётся,
То будто хочет защитить собой.
Сон памятью-крылом меня накрыл,
Слезой-бальзамом душу окропил...

* * *

Я видел солнцем освещённый двор,

Детей кричащий, неуёмный хор,
Отца и мать, весёлых и красивых,
Любовью озарённых и счастливых.
И я среди детей отцом гордился
И материнской нежностью светился.
И в песнях и в стихах внушали мне,
Что я живу в прекраснейшей стране,
И знал я сам, что лучшей нет на свете:
Не зря кругом поют и пляшут дети.
И дядя Вася, бывший красный конник,
Не зря раскрашивает детский домик,
Бревно условно в лодку превратил,
Он к коммунизму будто с нами плыл.
И, палки обратив в орудий дула,
В пути стреляли мы по кап-акулам.

– Нам акула нипочём, нипочём!
Мы акулу кирпичом, кирпичом!

И – для меня:

Плыл к раю коммунизма весь наш двор:
И хрюканье, и лай, и птичий хор,
Красавец Изя, Брана, хрюшка Машка,
В траве кузнечик, мелкая букашка,
И дворник злой, смешной беляк-холоп,
И даже таракан, и просто клоп.
Ведь в коммунизме будут все равны,
Там всё для всех – прекрасней нет страны.

Глазами я ловил свою любовь,
Девчонку Сару, пел я вновь и вновь:
– Ах, Сара, Сара, Сара-Сарана,
Прекрасная, чудесная страна!
Таёжный край, Хабаровск милый мой,
Ты грезишься мне Сарой-Сараной...

Но дядя Вася говорил не зря,
Что нужно нам держать сухим заряд,
На суше, в море, в океанах выси
Подстерегают вражеские крысы.
Лишь только дом свой люди возведут,
Как крысы набегают – тут как тут.
И крысы хоть, как правило, и тусы,
Но райский пряник, ох, как им по вкусу!
Да, дядя Вася очень мудрым был,
Не зря он в Красной коннице служил...

Но вот она —
Война...
А дальше – испытания метелью хмурой:
В низовиях Амура —
Пронге,
Следом – остров Сахалин.
Места, где всю войну
Мы с мамою скитались,
В душе навеки шрамами остались.
Над каждым шрамом нежностью дрожу,

Любовью-памятью над ним кружу...
Но память-птица мчит меня невольно
В Хабаровск, где отец,
В его войны зимовье.

Фонарь над пристанью. Отец один
Уж сколько лет стоит, нас провожая...
Струну судьбы
Врага рука —
Ошибка роковая —
Рванула. Этот стон
Остался навсегда.
И этот сердца плач
Забить я не могу:
Гудок прощальный.
Тьма —палач.
Отец на берегу...
Не мог тогда понять
Я собственную мать:
Неужто обстоятельства —
Причина для предательства?
Я спорил, вредничал, кричал,
Впадал в каприз и обвинял.
И сам я весь перед отцом —
Комок вины.
Не признавал я
Обстоятельства войны.
Я отвергал
И голод,

И холод:
Ведь нет мучительнее ада,
Чем муки Ленинграда...

А – на Сахалине
Гремел набат:
Ленинград-
Ад-ад!
А в чёрной мгле, в Хабаровске,
Боролся, знал я, голодал отец,
И я ручонками тянулся,
Хотел вернуть ему венец,
Тот светлый нимб,
Мой талисман любви,
Благодаря которому,
Не видя и лица,
Шестым я чувством
Чувствовал отца.
И мама говорила,
Что чем больше он терпел,
Тем крепче каменел.
И чем он больше каменел,
Тем ярче нимб моей любви
Над ним горел...
О, как я ненавидел злую тьму —
Проклятую войну!
А мама мне:
– Сыночек, спи.
Мы терпим все, и ты терпи.

Придёт и наш звоночек.
Терпи, терпи, сыночек.
Война – крысиный чёрный пламень,
Не по зубам ей веры камень.
Ты видишь, среди злобной тьмы
Все дружно каменеет мы.
Плачь об отце. Твоей слезы,
Нет для врага грозней грозы.
Ведь руша детства долю,
Он рушит Божью волю.
Плачь, мой сынок, и засыпай,
И пусть тебе приснится рай.
Тот рай, что истинно прекрасен.
Забудь про тот, что дядя Вася
Всем вам сулил, детишкам.
Оставь тот пряник мышкам.
Спи, мальчик, баюшки-баю,
И слушай песенку мою.

Песенка мамы

У Сахалинских берегов Три брата
Стоят по пояс в море – три скалы.
Вернуть свой ключ от счастья когда-то
Три нивха к Дэву-чудищу пришли.

И, зная Дэва подлую породу,
Про то, как он коварен и могуч,
Они пошли на подвиг для народа
И хитростью отняли счастья ключ.

И злобный Дэв, свои теряя силы,
Трёх нивхов всё же в скалы обратил,
Но мстью наказать народ счастливый
У злого змия не хватило сил.

Бросается на братьев диким штормом,
Раскрытой пастью пенных волн орда,
Но крепко охраняет входы к порту
Стальной волей скальная гряда.

Спи, мой сынок, и мы, как нивхи-скалы,
Суровым камнем волю укрепим,
Мы веры струнами, как сталью Сталин,
Страну свою в скалу объединим.
И не посильна вражескому стану

В суровом камне скрытая гроза...
И пусть тропинкою к победе станет
Твоя чистейшая слеза...

Так мама пела, в пене зыбкой
Мелькали золотые рыбки,
Качались мамины слова
И тяжелела голова.
Три брата, Александровск-порт, Хабаровск дальний...
Во сне я видел камни, камни,
И по камням, как по мосту,
Через пролив Татарский шёл я к своему отцу.
Пройдя к Амуру путь немалый,
Встречал я скалы, скалы, скалы...
Вот пристань и фонарь ночной,
Отец во тьме застыл скалой.
Летают туч над ним угрозы,
Срывают ожиданья слёзы,
Но даже слёзы веры пламень
Вдруг превращает в твёрдый камень.
И ком вины в моей груди:
– Отец, прости, прости, прости!..

Я весь виною содрогаюсь...
В слезах я просыпаюсь...

Луна всё Изею смотрела,
Струной-лучом мне скрипка пела.
И рад я был, что сну конец:

В соседней комнате дышал отец.
И билось сердце тёплой волной:
Отец мой рядом,
Он со мной, со мной, со мной!
И вдруг укол моей вины
Внутри волны.
И снова ком в груди:
– Отец, прости, прости, прости!
Вновь аккорд далёкий сыплет слёзы,
И новый сон, и грёзы...

Второй сон

Я вижу снова порт далёкий
И мыс знакомый Жонкиер,
Несчастных беженцев потоки
С борта на трап, как сквозь барьер.

И солнце дарит людям вспышки
Своих приветливых лучей,
И беспризорные мальчишки,
И я с компанией своей.

И каждый всем, что есть, наивно
Делиться с беженцем готов,
И так мы все гостеприимны
С улыбкой чистой детских ртов.

И делимся мы добрым словом,
Кусочком хлеба и уловом,
Спокойным небом и водой,
И Сахалинскую землёй.
Невольно распирает чувство тайное:
Уж до чего мы разлюбезные хозяева!
И рады мы, что мы нужны
Друзьям, страдальцам от войны...

Однажды в сильный летний дождь

Дорогу мы перебежали
И странный брошенный мешок
Случайно в луже увидали.
Мы подбежали, и слегка
Рукой коснулся я мешка.
Но как мы сердцем содрогнулись,
Когда шинель вдруг распахнулась
И поднял голову солдат.
В глазах его был сущий ад.
Безногий, он, казалось, сдался;
Казалось, с жизнью он прощался.
И мы мальчишеской семьёй,
Всем хулиганским сердцем слились,
Усилья рук соединились,
И мы снесли его домой.
А дома мать его ждала.
Она, как сына увидала,
В момент шинель с него сорвала,
Нас, хулиганов, целовала,
Нам угощенья предлагала,
Но отошли мы от стола.
А тут – невеста на порог,
В слезах кричала:
– Как ты мог?!
Как мог ты, милый, мне не верить?! —
Но были мы уже за дверью.
Мы разбрелись все по домам,
На сердце тяжело было нам...
Потом по рынку мы шныряли,

Солдата этого видали.
Играл баян. Солдат без ног.
Звучала песня «Огонёк»...

Я заболел. От боли вился.
Стонал, и плакал, и молился.
Молилась на коленях мать.
Врачи не знали, что сказать.
Была зима, но шла к концу.
Решила ехать мать к отцу.
Но, в ожиданье навигации,
Впадала в нервную прострацию.
Болела мать моя сама.
Сводило горе мать с ума...

Мне видится картинка:
Горит-коптит коптилка,
Откуда-то издалека
Мать принесла мне молока.
Замёрзлый маленький кружок,
Надежды слабый огонёк:
Вот, напою-ка сына —
Авось, вернётся сила.
Но в голове моё сознание
Качает тенью ламинария.
Без мамы молока не пью:
Как обделить мне мать свою?
Я в ней души не чаю,
Собою угощаю...

Читаем вслух «Евангелие»,
Мать призывает ангелов.
– Отец Всевышний, помоги...
Прости грехи... прости долги... —
Молитвы оба мы поём.
Мать – за меня, я – за неё.
На стенке рядом три лица:
Лик Бога,
Сталина,
Отца.
Смотрю на эти лица,
Молюсь – не намолиться.
Я всем троим молиться рад
За мать, себя, за Ленинград.
Соседи из барака
Слыхали, как я плакал.
Слезую каждый взгляд мерцал:
Глаза – раскрытые сердца.

А мама:
– Сыночек, глазки закрывай,
Послушай песенку про рай.
Ты помнишь, дядя Вася
Однажды домик красил?
Потом вы плыли на бревне
К прекрасной, сказочной стране?
Не зря для вас он так старался,
За рай земной ведь он сражался,

Ведь красным конником он был,
Он у Будённого служил,
За рай тот многих погубил...

Я маму, слушая, не слышу.
Шуршат в углу барака мыши.
В мозгу больная круговерть:
В тених барака вижу смерть.
Гляжу я в мамины глаза:
Что в утешенье ей сказать?
Я всем усилием души
Стараюсь боль свою глушить:
Смеюсь сквозь слёзы, но невольно
В движенье вскрикиваю болью.
И вижу: каждая слеза —
Удар по маминым глазам,
При каждом стоне, мне казалось,
В тоске душа её сжималась.
И я от страха цепенел,
Зажав дыхание, терпел.
А мама мне в тиши ночи
О душ бессмертии журчит,
О том, как Божий сын Христос
Всем нам спасение принёс,
Во имя нашей жизни вечной
Он принял муки человечьи.
И я, как Он, хотел терпеть,
Прогнать больную круговерть...
Ведь боль моя – для мамы смерть...

И в эту смерть мне как не верить?
Ведь умерла подружка Вера.
В мороз, в метель малютку белокурую
Тащили мы ко мне с температурою.
Я за значок, казалось мне, красивый, красненький,
Для кукол трём своим подружкам, трём сестричкам,
Резал галстуки,
На рынке мамой выменян запас для юбки.
Как Верочка смеялась! Веселилась!
Розовели щёчки, губки.
И хоть потом от мамы мне досталось,
Но всё же с мамой мы решили:
Что за малость
За то,
Чтоб Верочка в конце печальной жизни
Насмеялась!
И как от слёз барак,
От горя не ослеп,
Малютку видя в кружевах
(Обмененных на хлеб)?
Сидела в изголовье
Верочкина мать,
Глаз с дочки не сводила,
Ей галстучную куколку
В гробик положила.
Частицу моего ей положила «я»...
Вина моя! Вина моя...
Всю жизнь не лажу я с собой —

Ложусь с виной... Встаю с виной...
Я плакал от тоски великой,
Но мама предлагала
Обратиться к Лику:
Встань на колена, помолись.
Мы все грешны. На Бога положишься...
Однажды Настенька
(Так звали мать покойницы)
Прижав меня, просила успокоиться:
Болела Верочка. Тут нет ничьей вины.
Но грезилась мне гроб, проклятые блины...
Я всю картину ясно вижу.
С тех пор я поминанья ненавижу...

В углу барака виделась печальная луна...
В душе звучала Изина струна...
Под этот лунный перезвон
Ко мне спускался сон...
И мамочка со мною засыпала.
Но всё ж потом бесед своих не забывала.
Сквозь сон мне будто напевала:

Ты помнишь, к раю коммунизма плыл весь двор:
И хрюканье, и лай, и птичий хор,
Красавец Изя, Брана, хрюшка Машка,
В траве кузнечик, мелкая букашка,
И дворник злой, смешной беляк-холоп,
И даже таракан, и просто клоп.
Уж коль серьёзно дядю Васю слушать,

То в рай стремятся те,
Кто просто хочет кушать.
Зачем тогда и рай?
Наполнил сыть свою —
Вот и считай,
Что ты в раю.

Но мама, видно, сильно ошибалась,
Когда смеялась.
Хоть я в то время и ребёнком был,
Но много наблюдал
И обо всём по-своему судил.
И хоть болел я,
Труден был мне разговор,
Но мысленно вступал я с мамой в спор.
И, чем слабее мне казалось мамино здоровье,
Тем спорил я ожесточённой.
Я за неё сражался:
Мамочка, живи, не умирай!
Я ненавижу мёртвых рай!

Однажды мне отец всё просто объяснил:
Мол, бабушкин и мамин рай —
Для тех, кто смертью почил.
С тех пор я, хоть для умерших, как Изя или Вера,
Рай в небе признавал,
Но для живущих, дорогих безмерно,
Упорно отрицал.
Опять-таки – отец:

– Ты хочешь умереть,
Чтоб рай небесный посмотреть? —
Вопрос настолько был ужасен,
Что всей наивною душой
Я был за дядю Васю.
Пусть буду лучше жить,
Хоть даже и во зле,
Но свой построю
Коммунизма рай
Я на земле.
Но как мне было всё же совместить
Две правды, две любви?
Решил я жить
С двумя – отца и матери —
Не жертвуя ничьей из них, не отвергая,
Не решая,
Чья более мне дорогая.
Всю жизнь хожу я с этим грузом —
Связались две дороги, два пути
В единый узел.
Я в школе октябрёнком был тогда,
На левой стороне груди
Сияла красная картонная звезда.
Я звёздочки с рождения любил,
За них, что хочешь, мог отдать,
Я настоящую солдатскую звезду
На шапке с гордостью носил.
И песни пел про доблестных танкистов,
Про смелых лётчиков, про храбрых моряков,

И думал про себя, что истинно
Я сам таков.
Чтоб доказать себе и всем,
Как «честь мне дорога»,
Искал для драки я
Среди друзей врага.
И редкий случай был,
Когда б свой нос
Расквашенным домой я не принёс.
И в мире не было певца горластей,
Чем я,
Когда вдруг мамочка возьмёт
Свой от халата хлястик.
Чем дальше из барака доносился вой,
Тем для друзей я выше был герой.

Я грешен был кругом.
Но в том и сила,
Что мама верою своей
Меня лечила.
Я изощрялся и орал,
Тем не смущаясь,
Что лёгкий хлястика «удар» —
Такая малость!
Но мама плакала всерьёз,
Душой болела.
И я не мог терпеть тех слёз,
И грешным телом,
Чтоб только маме угодить,

Бросался на колени,
У Боженьки просить
Прощенья.

Я Богородицу прошу
Простить смиренно,
Через минуту я встаю
Легко с колена.

– Ой, мама, Боженька сказал,
Я это сам заметил,
Он прямо так и прошептал:
«Прощаю, раб мой Петя»
– Неужто так Он и сказал?
– Ты думаешь, я будто врал?
Так прямо и сказал. —

И мамочка сияет
От такой прекрасной вести, —
Не знаю уж, действительно ль мне верила? —
Скорей рубашку со звездой снимает,
Мне надевает крестик.
А вечером —
Соседских бабушек собрание.
Слепой коптилки свет.
Читаю бабушкам «Евангелие».
Укоров совести пропал и след.

Наутро – снова звёздочка.
Геройства день пришёл.
Судьёй нам – дядя Стёпа,

Моралью —
«Что такое хорошо».

И я не знал, не понимал,
Что дважды в день
Я предавал..
Я жил, как мог, по обстоятельствам.
Причём же тут предательство?..

* * *

*Но можно ведь и обстоятельства создать,
Чтоб всех и всё кругом предать?????...*

Капли

ЦИКЛ РАССКАЗОВ

2009—10 гг

Пот, слёзы, дождь... —

Всё капли.

Жизнь каждого из нас —

Капля в Море Судьбы

Нашей Родины.

Куст сирени

*В конце дороги
За калиткою изба.
Горит полено.
И сад,
И старая оконная резьба.
Чуть запах тлена.*

*Всё прошлое
О прошлом и скорбит.
Устали ноги.
И что ж она
Меня к себе манит
В конце дороги?*

*Меня всё шлют
Туда, где магистраль
Гремит уныло...
Но в домике том
Старая печаль
Грызёт крапивой,*

*В саду
Неутолённая любовь
Кричит сиренью,
И зеленью*

*Стекает тихо кровь
С кустов на землю.*

*И хочется мне
Знойною пчелой
В цветок вонзиться,
Повиснуть ивою
Над старую рекой
И хмелем виться!..*

*И злится пусть
Стальная магистраль —
Я не в ответе,
Я – облако,
Со мною просто даль
И друг мой – ветер...*

Хорошо идти ранним июньским утром по Смоленскому сельскому большаку и наблюдать, как просыпается природа. Солнце, после вчерашнего дождя, умытое и яркое, повязав лёгкую косынку из облачка, весело проводит влажную уборку, сушит землю и торопливо заметаёт в кусты остатки ночной тени. Аромат цветов, растворённый в воздухе, сообщает пчёлам, что утренний стол из нектара для них уже готов. Птицы давно проснулись и с криками деловито снуют в воздухе. Это согласие, гармония радуют тебя, и шаг твой ускоряется.

И каким диссонансом рванул мне душу вид заброшенно-

го хутора, где по чьей-то недоброй воле жизнь была остановлена! Добротные ещё дома были заколочены, сады заброшены. Ни лая собак, ни криков детишек. Неужели люди сами, по доброй воле, покинули свои насиженные места? Хутор был довольно большой, домов пятнадцать, и покинут был явно недавно, т.к. сады и огороды не успели окончательно зарости. Я, конечно, знал причину. Мне уже не раз приходилось встречать подобную картину. Одно дело, когда встречались выжженные во время войны деревни. Тут торчали остовы фундаментов и трубы печей. Со вздохом, но понимаешь и хоть как-то принимаешь: что поделаешь? Война. Но каким врагом надо быть, чтобы сейчас, после войны, заставлять людей покидать места, в которых они родились и росли и которые отстояли во время войны! Прекрасные, красивые места! А вокруг зарастали поля, которые столетиями обихаживали люди. Где люди? Как это принять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.